

посвящено войне! Сознание «простого советского человека» было сформировано суровой милитаризованной действительностью уходящего века, нанесшей нашим народам тяжелые незаживающие раны. Да, Советский Союз выстоял и победил в Великой Отечественной войне, но каких невыносимых жертв стоило это нашим народам! И только сейчас, спустя более полувека после окончания этой войны, мы начинаем по-настоящему осознавать и те величайшие успехи, и те жесточайшие потери, которые выпали на долю многострадальных народов СССР.

В монографии Е.С. Сеньявской убедительно и полно раскрыт менталитет комбатанта, духовный мир участников войны, идеологическое оформление войны, которые вела Россия в XX в., существенно сказавшееся на их исходе и результатах. Книга Е.С. Сеньявской убедительно подтверждает, что именно ясность целей, справедливый характер войны во многом предопределили и победу нашего народа в Великой Отечественной войне, и одновременно – как это ни печально! – проигрыш в Афганской войне не на поле боя, а в сфере идеологии.

Войны XX в. оказали огромное влияние на народное сознание всех россиян независимо от того, воевали они или нет. И монография Е.С. Сеньявской закладывает основу историко-психологического изучения роли человека не только в современной войне, но и в более широком историческом контексте – в судьбах всего русского общества в XX в. Новаторская по своему замыслу, основанная на многочисленных и разнообразных источниках, убедительная по выводам, методологически и методически выверенная, книга Е.С. Сеньявской имеет не только научное, но и чисто прикладное значение для этнографов, изучающих нравы и быт современного «человека воюющего» как особого социо-этнографического явления, еще недостаточно исследованного.

Автор этой рецензии – сам воин-доброволец Великой Отечественной войны. При чтении этой книги я неизбежно как бы «примерял» ее на себя, на свой личный боевой опыт (я пробыл на фронте с октября 1941 г. вплоть до окончания войны). Убежден, что эта книга привлечет внимание всех ветеранов Великой Отечественной войны, напомнит им их боевое прошлое, а вместе с тем будет полезна всем, кому небезразличны история и судьбы нашей Родины. Многие я как бы заново пережил, читая эту умную книгу, написанную дочерью офицера-фронтовика, посвятившей ее «памяти фронтового поколения Великой Отечественной, отцу и его боевым товарищам». Но не только им, ушедшим (или уже уходящим) в прошлое. Для автора эта книга – «боль за тех мальчиков, что проливают сегодня кровь в “горячих точках” и за тех, кому только предстоит пройти через войну...».

Примечания

¹ Сеньявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М., 1995; *еже*. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997. За первую книгу Е.С. Сеньявская была удостоена Государственной премии РФ для молодых ученых за выдающиеся достижения в области науки и техники.

² Сеньявская Е.С. Психология российских участников войн XX века: сравнительно-историческое исследование. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

Л.Н. Пушкарев

© 2000 г., ЭО, № 4

Inkerinsuomalaiset kunnassa / Ed. M. Pitkänen, A. Jaakola. Jyväskylä, 1997. 142 s.

В последнее десятилетие в Финляндии появилось немало книг и статей, посвященных российским финнам. Особый интерес представляют работы, рассматривающие положение тех из них, кто переселился на свою историческую родину. Проблемы их жизни в Финляндии достаточно специфичны и, как нам представляется, мало известны в России, за исключением узкого круга людей, непосредственно занимающихся этим вопросом. При этом несомненно, что широкому кругу читателей должны быть интересны сведения и о гарантиях репатриантам со стороны финляндского правительства, и о процессе их адаптации в новых социальных условиях.

Мы хотели бы осветить эти вопросы на материалах одной из наиболее интересных, на наш взгляд, работ – «Ингерманландские финны в муниципальной общине». Это сборник статей, написанных людьми, непосредственно связанными с приемом репатриантов из бывшего Советского Союза, большую часть которых составляют так называемые финны-ингерманландцы (или ленинградские финны). Среди авторов – люди разных профессий и сфер деятельности: чиновники ряда министерств – Иностранных и Внутренних дел, Образования и Высших профессиональных школ, работники муниципальных служб и ряда других социальных институтов.

Следует сказать несколько слов о самой проблеме переселения финнов из Советского Союза в Финляндию. В 1990 г. президент Финляндии М. Койвисто издал указ, по которому финны Советского Союза признавались этническими финнами и на этом основании могли переселиться в Финляндию на правах репатриантов. Это решение было принято президентом в условиях высокой экономической конъюнктуры, когда страна испытывала недостаток в рабочих руках. В предшествующие годы в Финляндию вернулась значительная группа финнов из Швеции, и представлялось, что потребность в рабочей силе будет сохраняться и впредь.

Однако эти прогнозы не оправдались. Ко времени, когда должен был начаться прием новых репатриантов, ситуация резко изменилась. В Финляндии начался резкий спад экономики, столь сильный, что некоторые финляндские специалисты рассматривают его как наиболее тяжелую депрессию за все годы существования республики. Поэтому прием репатриантов шел при строгом учете возможностей государственного бюджета. Принимая переселенцев, власти должны были на первое время обеспечить их жильем и хотя бы минимумом средств к существованию.

Несмотря на определенную норму приема репатриантов из Советского Союза (позже – из России и Эстонии), Финляндия столкнулась со множеством непредвиденных трудностей, причем не только материального характера. Возникли немалые сложности на пути интеграции переселенцев в финляндское общество и их адаптации на новом месте жительства. Трудности существовали у российских финнов уже в связи с их декларированным правом переезда в Финляндию на правах репатриантов. Далеко не все желающие переселиться значились по паспортным данным финнами. У потомков от смешанных браков, как правило, в графу «национальность» была занесена этническая принадлежность его родителя-нефинна («русский», «эстонец» и т.п.). Для получения права на переезд следовало представить документы, подтверждающие, что один из родителей репатрианта был финном или что таковыми были двое из его прауродителей (бабок и дедов). Право на въезд в Финляндию вместе с репатриантом автоматически получали его супруг(а) и дети до 18 лет.

С 1996 г. Финляндия ужесточила порядок приема репатриантов из бывшего Советского Союза в связи с трудностями жизнеобеспечения переселенцев первой волны. По новым правилам финн-репатриант не имел права прибыть в страну «явочным порядком», как это было первоначально. Прежде всего следовало подать соответствующее заявление по месту жительства, а затем пройти организованные на местах курсы: как подготовительные языковые, так и знакомящие переселенца с системой работы финляндских социальных служб, в том числе возможностями обеспечения работой и получения образования. Это было обусловлено практикой первых лет приема репатриантов, когда выяснилось, что новоприбывшие не ориентируются в существующей в Финляндии системе социального обеспечения и трудоустройства. Особую трудность представляло плохое знание репатриантами финского языка, что касалось в первую очередь людей среднего возраста (30–40 лет) и младшего поколения. Трудоустройство репатриантов осложнялось и тем, что их профессиональная подготовка часто отличалась от приобретенной в Финляндии, а также тем, что в стране в тот период росла безработица, сильно ударившая по коренному населению страны.

По новым правилам, репатриант должен был не только указывать муниципалитет страны, в котором он хотел бы обосноваться, но и получить оттуда согласие на прием, что позволяло финляндским властям в известной мере регулировать расселение прибывающих. Это было необходимо потому, что некоторые муниципальные общины (особенно столица и ее окрестности) оказывались перегруженными мигрантами, что осложняло их жизнеобеспечение (с. 18). При этом учитывалось и то, что в Финляндии все социальные проблемы решаются именно через муниципальные службы, а не через общегосударственные организации. Таким образом, принимая репатрианта, муниципалитет берет на себя заботу о нем и его семье, а государство со своей стороны должно выделять коммунальным соответствующие средства.

На конец 1990-х годов из России и Эстонии было принято около 15 тыс. чел., из которых примерно 1000 чел. составляли пенсионеры. В настоящее время Финляндия принимает около 2 тыс. репатриантов в год.

В работе «Ингерманландские финны в муниципальной общине» достаточно четко освещены установленные для репатриантов правовые нормы, которые существенно влияют на их положение в стране; весьма интересны и выводы, которые делают авторы, специально рассматривая ход интеграции новоприбывших в финляндское общество.

Сборник состоит из трех частей. Первая посвящена в основном тем правовым нормам, которые определяют положение репатрианта. Авторы статей этого раздела (Т. Туомио, М. Виртанен, Э. Маркканен, П. Лампинен, А. Яакола и И. Хейкиля-Пауконен) – чиновники разных ведомств, которые ведут прием репатриантов на первом этапе их прибытия в Финляндию. Согласно закону репатрианты, в отличие от других иностранных переселенцев, автоматически получают право на жительство в стране сроком на два года. Этот срок предусмотрен для того, чтобы человек мог утвердиться в своем решении остаться в Финляндии (или, напротив, вернуться обратно).

По новым правилам, репатриант сразу же направляется в соответствующую муниципальную общину, которая, приняв его, отвечает за обеспечение его жильем, социальным и медицинским обслуживанием, детей – дошкольными учреждениями и школьным образованием. Все это репатрианты получают на тех же основаниях, что и остальные жители коммуны, финляндские граждане (с. 27–28).

Следует учесть, что если первая волна переселенцев (из Советского Союза) состояла из молодого и в основном владеющего финским языком населения, то со временем возросло число финнов-репатриантов, не знающих языка и переселенцев пенсионного возраста (с. 17). Последние, как правило, владели финским языком, но их жизнеобеспечение составляло особую проблему: они не имели права на пенсию в Финляндии (хотя сохраняли его по месту прежнего жительства). Обеспечение людей пенсионного возраста составляет особую постоянную статью бюджета, причем размеры ее возрастают: в 1992 г. это было 10 млн., в 1997 г. – 55 млн. марок (с. 19).

Авторы сборника выделяют две наиболее сложные для переселенцев проблемы. Во-первых, это трудоустройство, и это касается основной массы переселенцев, которую составляют люди трудоспособного возраста. Во-вторых, это обеспечение детей репатриантов школьным образованием: по финляндским нормам это обязательное девятилетнее обучение.

Более детально вопросы жизнеобеспечения репатриантов рассматриваются во второй части сборника. Она, как и сборник в целом, называется «Ингерманландские финны в муниципальной общине» и включает восемь статей (авторы М. Пюткянен, Т. Томпери, Х. Ромакканиemi, Р. Хюттинен, А. Тикканен, Т. Ламми-Ниеминен и Х. Хирвонен). Наряду с рассмотрением проблем устройства репатриантов на жительство с точки зрения муниципальных учреждений в этом разделе изложены и результаты обследований положения переселенцев в четырех коммунах: Хельсинки, Лапеенранта, Иматра и Ювяскюля. Авторы ставили задачу показать основные проблемы, возникающие у репатриантов разных возрастных групп, и степень их удовлетворенности пребыванием в стране. Важной стороной их положения была интеграция, а именно ее уровень и возможности, в финляндское общество. Это касалось условий труда, учебы, дошкольного обеспечения детей, медицинского обслуживания, личных контактов внесемейного уровня и т.д.

Хельсинки представлял особый интерес для обследования: это центр, притягивающий иммигрантов разного рода – здесь живет 30% всех иностранцев, точнее неграждан страны, в их числе и 47% всех репатриантов (с. 44).

Расселены они в основном в новых районах города на его восточной окраине – в микрорайонах Мелланкюля, Вуосаари, Каарела и др. (с. 4–47). Наряду с репатриантами здесь живут беженцы из Сомали, Югославии и других стран. Среди репатриантов почти нет владельцев квартир, они обычно лишь квартиросъемщики, в то время как 70% финляндских граждан располагают собственным жильем.

В этом разделе большое внимание уделено положению детей репатриантов, начиная с дошкольного возраста. Места в дошкольных учреждениях предоставляются им вне очереди. Таким образом, родители могут работать и ребенок получает необходимый уход в течение всего дня. В дошкольных учреждениях дети начинают осваивать финский язык, так как их помещают в группы, где половина детей – финны. По возможности детские сады стремятся иметь воспитателя со знанием русского языка, иначе у детей младшего возраста затормаживается развитие их «домашнего» языка (с. 51–53).

Это возможно там, где число детей с родным русским языком достаточно велико, чтобы выделять на это средства. Так, в детском саду «Калинка» в Хельсинки есть воспитательница, владеющая русским и финским языками, в группе у нее как финно-, так и русскоязычные дети. Для детей репатриантов шестилетнего возраста, т.е. перед поступлением в школу в детских садах организуются дополнительные занятия финским языком. Это непростая задача, если учесть, что наряду с репатриантами в таких микрорайонах Хельсинки,

как Вуосаари, живут дети более двух десятков национальностей, причем в немалом числе: в Вуосаари на момент обследования было 264 таких ребенка дошкольного возраста (с. 52).

Делаются попытки интегрировать детей в детские коллективы и вне детских садов. Для них организуются воскресные школы при церквях, причем в Вуосаари есть помощник пастора, знающий русский язык. Определенная роль в интеграции детей в общество их финских сверстников отводится и детским клубам с разнообразными кружками.

Естественно, что дети репатриантов, попавшие в Финляндию в раннем возрасте, приходят в школы достаточно подготовленными по уровню знания финского языка. Гораздо сложнее тем, кто приехал в страну уже в школьном возрасте. Сначала им приходится учиться на подготовительных языковых курсах, затем в школе посещать дополнительные уроки финского языка. Благодаря усиленным занятиям они теоретически имеют возможность пройти обязательное девятилетнее обучение, но это связано с большим напряжением сил, особенно для тех, кто сразу должен идти в классы второй ступени обучения.

Но трудности для школьников-репатриантов лежат не только непосредственно в учебной сфере. Существует другая сторона проблемы – положение такого школьника в кругу сверстников. Авторы соответствующего раздела – М. Питкянен и Т. Томпери не уходят от рассмотрения этого вопроса. Опираясь на данные опроса, они показывают печальную ситуацию: дети репатриантов не рискуют проявлять инициативу в общении с другими одноклассниками, боясь быть отвергнутыми вследствие их «некоренного происхождения» и оказаться в положении изгоев (с. 56). Их финские соученики не проявляют со своей стороны к ним никакого интереса: у них есть свои сложившиеся группы. Один из школьников-репатриантов сказал, что не обижается на это: может быть он и сам бы вел себя так же по отношению к «чужим» новичкам. Таким образом, дети-репатрианты оказываются в школьных классах вне общего коллектива.

Не помогают развитию контактов и различные клубы для подростков и организуемые в расчете на досуг мероприятия. Репатрианты не принимают в них участия отчасти из-за боязни, что не будут приняты в общество как равные, а также из-за того, что не имеют для этого материальных возможностей: у многих родители живут лишь на пособие и это определяет образ жизни. По рассказам школьников-репатриантов, они довольствуются прогулками по городу, ходят купаться, ездят на велосипедах. Обычно они держатся при этом группками в два-три человека с подростками «своего круга». Лишь один из опрошенных сказал, что у него есть приятель из числа местных финнов.

Авторы отмечают, что среди обывателей распространены слухи о преступных наклонностях детей репатриантов. Однако полицейское управление в Хельсинки не считает, что они выше, чем у местных финских подростков, и есть лишь одна сомнительная группа из подростков-репатриантов, за которой ведется наблюдение (с. 58).

Особо следует отметить то обстоятельство, что финляндское законодательство предусматривает право иноязычных детей на обучение в школе родному или «домашнему» языку. Для детей репатриантов речь идет прежде всего о русском и эстонском языках. Эти языки преподаются в школе как отдельный предмет. Конечно, в Хельсинки, где на описываемый период числилось 616 детей с родным русским и 257 с эстонским языком, такое преподавание организовать легче, чем в маленьких муниципалитетах: там и таких детей меньше и нет необходимых средств. Тем не менее коммуны ищут для преподавания родного языка возможные формы. Так, в Лапеенранта, где всего 56 русских учеников, занятия русским языком ведутся в одной из школ после окончания уроков, и дети со всего города собираются там.

Авторы статей неоднократно возвращаются в связи с разными вопросами к тому, что наиболее тяжелым было и остается положение людей среднего возраста. Причин этому немало. Репатрианты в возрасте 30–44 лет в основной своей массе плохо знают или совсем не знают финского языка: вследствие высокого процента смешанных браков во многих семьях один из супругов вообще не знал по приезду финского языка. Кроме того, образование или специальная подготовка, полученные репатриантами в стране выезда, во многом были отличны от программ обучения той же специальности в Финляндии, из-за этого репатрианту приходится учиться как на языковых, так и на профессиональных курсах. Тем не менее и после этого репатриантам трудно устроиться на работу: на момент обследования 50% из них вообще не имели работы, а некоторые имели лишь временную работу, сроком на два-три месяца.

Безработица влечет за собой не только материальные трудности. Она имеет следствием отсутствие тех социальных контактов, которые должны были бы содействовать интеграции репатриантов в финляндское общество. Наряду с этим материальные трудности нередко ведут к нарушению нормального климата в семьях. Особенно это было отмечено при проведении обследования в г. Иматра. В ряде семей пришлось столкнуться с алкоголизмом, скандалами, дети в них нередко нуждались в социальной защите.

Безработица – основная беда репатриантов, и несмотря на ее сокращение в последние годы, она далеко не преодолена: в той же Иматре на момент обследования она составляла 25% среди финляндских граждан, не говоря уже о переселенцах.

Третья возрастная группа обследованных – это люди пенсионного возраста (среди репатриантов их примерно 10%). Сложность их положения в том, что по закону они не имеют права на получение даже сравнительно небольшой так называемой народной (или национальной) пенсии. Право на нее дается только гражданам Финляндии, причем при условии, что человек прожил в стране как минимум 3 года до достижения 16 лет или 5 лет в предпенсионном возрасте. Для получения этой пенсии в полном объеме необходимо прожить в стране 40 лет или она выплачивается в размере, пропорциональном числу лет, проведенных в Финляндии. Потому большинству стариков до конца жизни придется жить на выделяемые им как прожиточный минимум деньги.

Обследование условий жизни репатриантов старшего поколения особенно широко было проведено в Хельсинки (авторы Р. Хюттинен и А. Тикканен). Опрос проводился только среди лиц, говорящих по-фински, которых среди старшего поколения немало. Большую часть опрошенных составляли одинокие люди: вдовы, разведенные, незамужние. У некоторых из них были дети, приехавшие в Финляндию вместе с ними или оставшиеся в Эстонии или России, другие же переехали в Финляндию именно потому, что туда переезжали их дети. Большинство причиной переезда называли материальные трудности: пенсии не хватало даже на еду. Один из опрошенных сказал, что в Эстонии, даже имея работу, не проживешь, «если не умеешь обманывать». Другой отметил, что в России после войны стали плохо относиться к финнам (с. 84–85).

Обследование проводилось как в общежитии, где репатрианты живут первое время по приезде, так и в доме для престарелых, где они затем получают места. В общежитиях было много неудобств: семейным выделяли одну комнату на всех, поэтому было тесно; одиноких селили по двое – «так было еще теснее», как объясняли опрашиваемые. Кухни, санитарные блоки в общежитиях были общими, что также создавало трудности, поэтому при первой возможности люди старались перебраться в так называемые Дома обслуживания. Там пенсионер из своего кармана оплачивает все, включая комнату. Но репатрианты получают ссуду на оплату жилья и могут снять «одиночку» – комнату с выделенным кухонным углом и умывальником; остальные удобства предназначены уже для определенного блока. За отдельную плату можно получать готовые обеды, отдавать в стирку белье, иметь приходящую на два часа в день помощницу и т.д. Но из опрошенных лишь некоторые отдавали белье в стирку, другими услугами никто не пользовался.

В повседневной помощи нуждались лишь двое из опрошенных, но у них были дети, живущие в Хельсинки, и они их опекали. Платные услуги, по мнению опрошенных, и непривычны, и дороги, а пособие невелико. Старики вообще должны экономить на всем: они редко пользуются городским транспортом, который в Хельсинки очень недешев, одежду покупают на «барахолке». Многие раз в неделю ходят в Армию спасения, где можно бесплатно получить хлеб и другие продукты. Некоторым помогают дети, живущие в Хельсинки, другие сами помогают детям, оставшимся «дома». Там у них сохраняется пенсия, которую они отдают детям, а также привозят для них с собой одежду, купленную в Финляндии на распродажах или на рынке. Некоторые при поездках в Эстонию покупают там лекарства, более дешевые, чем в Финляндии. Вообще медицинское обслуживание, по мнению репатриантов, слишком дорого. Правда, большая часть опрошенных на здоровье не жаловалась, но многие не покупают прописанных им лекарств из-за дороговизны.

Люди старшего поколения поддерживают контакты в основном со своей родней. Те, у кого в Хельсинки живут дети, видят их часто: некоторые каждый день (45%), другие – раз в неделю (27%). Часто встречаются с детьми и те, у кого они остались в Эстонии: это близко и туда не так дорого поехать (с. 88).

Старики имеют также довольно много знакомых. Они поддерживают отношения с теми репатриантами, которые живут с ними в одном доме, с теми, с кем подружились раньше, в общежитии. У некоторых есть знакомые, приехавшие с ними из одной деревни, и т.п.

Живущие в Доме для престарелых ходят друг к другу в гости – например, чтобы посмотреть телевизор, так как он есть не у всех. Но среди коренных жителей у них знакомых нет. В общих мероприятиях, таких как экскурсии, репатрианты участия не принимают – это для них дорого. Правда, с некоторыми финнами они познакомились в церкви, но более близких контактов при этом не возникло. Репатрианты, по их словам, и сами не стремятся к этому: одни стесняются своего неправильного финского языка, другие почувствовали, что финны относятся к ним пренебрежительно.

Все опрошенные выразили мнение, что жизнь в Финляндии их в целом удовлетворяет благодаря ее

стабильности. Материальные трудности их не смущают, за свою долгую и нелегкую жизнь они привыкли довольствоваться малым. Они не хотят отказаться от получения пенсии по старому месту жительства, хотя это и увеличило бы размеры пособия в Финляндии: на пенсионные деньги можно съездить в родные места, помочь живущим там родным. Все очень тоскуют и по старым местам жительства, и по оставшимся там близким.

Раздел III (автор Э. Кюнтаяя) посвящен прежде всего описанию положения финнов в России, причем автор основывается на собственных материалах, собранных в Петербурге. При опросах она уделяла особое внимание причинам, по которым российские финны стремятся поехать в Финляндию. На первый план в полученных ответах выступают экономические причины. Старики получают ничтожную пенсию, на которую невозможно прожить, работающие говорили о нищенской зарплате, которая к тому же выплачивается нерегулярно, о растущей безработице. Наряду с этим многие причиной своего отъезда называли стремление обеспечить нормальное будущее детям, упоминалась также боязнь того, что сыновья могут погибнуть на войне с Чечней (с. 132–133).

Далее в этом разделе рассматриваются несколько проектов, созданных с целью обеспечить жизнь финнов-ингерманландцев на месте их исконного проживания, а также помочь сохранить их традиционную культуру, включая местные диалекты. Следует сказать, что проекты весьма противоречивы по своим исходным позициям и выдвигаемым целям, к тому же реализация их в настоящее время вряд ли может быть осуществлена.

Так, в частности, наряду с идеей возродить сельские поселения финнов в самой Ленинградской обл. выдвигается и предположение создать их в Сибири, где, возможно, легче было бы получить землю. Даже если бы эти проекты можно было бы осуществить, вряд ли это привело к возрождению традиционной культуры финнов-ингерманландцев, хотя бы уже потому, что ее плохо знает даже среднее поколение, не говоря о младшем. Еще менее реальна идея возрождения ингерманландских диалектов.

Более рациональным среди предлагаемых проектов представляется осуществление материальной поддержки старшего поколения финнов-ингерманландцев в самой России с помощью денежных дотаций от Финляндии. Такая мера обеспечила бы жизнь стариков в их родных местах, что уменьшило бы затраты финляндского правительства на прием репатриантов в Финляндии. Но пока это также лишь один из проектов.

Подводя итоги изложенному выше, можно констатировать, что Финляндия организовала прием репатриантов из разных регионов бывшего Советского Союза с юридической точки зрения на очень высоком уровне. Быстро были приняты меры по расселению репатриантов по различным муниципалитетам, организованы курсы для ознакомления переселенцев с нормами их обеспечения и системой социальных институтов страны, занятия финским языком в различных формах и с учетом возраста репатриантов, а также их профессиональной переподготовки. Особо следует отметить, что для детей организовано при школах обучение их «домашнему» языку.

Статьи рассматриваемого сборника не затушевывают и тех трудностей, с которыми сталкиваются финны-ингерманландцы в настоящее время на новых местах жительства. Особое внимание авторы уделили тому, как идет сейчас интеграция репатриантов в финляндское общество. Их вывод не особенно утешителен: во всех трех рассматриваемых возрастных группах этот процесс пока не получил должного развития. Реально он пойдет, видимо, лишь со вступлением в самостоятельную жизнь того поколения, которое при переезде было еще в дошкольном возрасте.

Н.В. Шлыгина